

Арсен Даллан

18+

*Едрёная настойка
на «Преступлении и Наказании»,
«Степном волке» и
«Духлессе»*

зам. дир. по корпоративному бизнесу
АО «АльфаСтрахование»
Андрей Рассветаев

Тяжелое
читиво
не для всех!

*Отрезвляющий
психологический триллер*

зам. ген. дир. нефтяной
компании «T.D. Williamson»

*Читалась с трудом, но
помогла перестать
врать самому себе*

режиссер Роман Каримов

ПУТИ И ПУТЫ

true story о темной стороне стартапа

Арсен Даллан

Пути и путы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12191943

ISBN 9785447423711

Аннотация

Новелла «Пути и путы» – история одного стартапера. Измученный скукой клерк Антон открывает свой бизнес и в борьбе за успех превращается, по мнению близких, в неизвестного им человека, который разрушает не только себя, но и жизни окружающих. После загадочной смерти главного героя его лучший друг Кирилл сталкивается с теми же проблемами, что заставили Антона изменить свою жизнь. Но как поступит он?

Пути и путы

Арсен Даллан

Посвящается Рябчиковой Науре и Андрею

© Арсен Даллан, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

ОТЗЫВЫ

Роман Каримов, режиссер

«Пути и Путы» тяжеловаты. Приходится тонуть в психологии и рефлексии. Но, черт подери, книга полезна всем, кто начинает что-то большое! Она отучила меня врать самому себе!»

**Азат Садыков, зам. ген. директора
нефтяной компании «T. D. Williamson»:**

*«Никогда еще слово «стартап» не звучало столь инфер-
нально. Это настоящий психологический триллер о скуке
на работе, проблеме смысла и изменениях. «Изменяйся, из-
меняйся!» – рвут горло адепты коучинга. Но замолкают,
когда, вдруг, после этого человек становится себе чужим.*

**Андрей Рассветаев, зам. директора по корпоратив-
ному страхованию АО «АльфаСтрахование»:**

*«Полезна для стартапера не меньше, чем биография Тес-
ла. Однажды офисная рутина или пресловутый кризис
«среднего возраста» выгонят вас из офиса. Но какова будет
цена стартапа? Книга «Пути и Путы» не о том как сделать
успешный бизнес, а о том, как не испортить им жизнь. Ни
себе, ни близким.*

Никакой политики».

Вы когда-нибудь ели мороженое на улице в сорокапятиградусную жару?

Ни облачка. Город раскалился. Притих от страха выкипеть.

Асфальт как болото. Небо белое.

Кожей чувствуете воздух. Он как вата.

Изображение колыхается.

Вторник, обед, вы стоите на булыжной мостовой. Легкие брюки, рубашка с коротким рукавом и мокасины. Да, снять больше нечего.

Мороженое только что было в руках. Но сейчас вы кружите пятерней у живота, будто паутину снимаете. Руки испачканы, вытереть нечем, не о брюки же.

Жмуритесь. Вначале от солнца, теперь от пота. Нет сил здесь стоять с липкими руками и грязной шеей. Мерзко от своих же подмышек.

Желание поесть мороженого обернулось месивом.

Знакомое чувство? Для меня да. Это моя воля превращается в слизь и пачкает руки.

День ото дня я размахиваю ими в некрасивом танце. Надеюсь ухватить возможность.

«Я ухожу, Сергей Алексеевич, – начал я свою последнюю беседу с руководителем. — Я не озвучу причину своего ухода. Нет, это не конкуренты, я не перехожу в другую компанию. Просто ухожу. Наверное, лучше всего сказать, что у меня обнаружили смертельную болезнь и мне осталось совсем мало.

Разве вы на моем месте стали бы растрачиваться на такую мелочь, как работа?

Нет, я не хочу принизить наш труд. Мы добились больших успехов. Мало кто мог пройти этот путь лучше. Все это ваша заслуга.

Просто успех мне теперь ни к чему. Я сворачиваю на обочину, понимаете?

Я ухожу, это не мой путь, и пусть я могу забраться на самую вершину, все равно это не принесет мне удовлетворения. Я не смогу утолить свою жажду успехом.

Я ухожу. И пусть мой наглый произвольный уход не ставит под сомнение все, что вы делали и чем жили. Это мой выбор, не ваш.

Это я свернул с дороги, а не вы. Это я решил сидеть на холме, а не нестись по шоссе.

Это я ухожу».

Я встал, вышел, на столе осталось заявление

и бутылка коллекционного виски.

Антон открыл глаза. Сколько раз он представлял это. Не счесть. Каждое утро просыпался, чтобы вот так поговорить. День проходил, Антон молчал. Терпел, закрывал глаза и говорил сам с собой. Из дня в день, из дня в день.

Он – старший финансист в БерБанке. Ему тридцать. У него есть почти все, что он хотел: любимый BMX X6, трешка в ипотеку, завтра привезут Apple Watch. Антон может купить и лодку, и даже загородный дом, но не покупает. Не хочет. Не хочет, потому и не знает, как быть с тем, что он успешный финансист. Страшно вырасти в обществе потребления человеком, не любящим покупать. В Средние века сжигали и не за такое инакомыслие. Сейчас, слава богу, в этом нет необходимости. Сами тлеют.

Все изменилось, когда Антон встретил своего одноклассника Сергея. В школе тот был ушлым, юрким пацаненком, не симпатичным, большая шарообразная голова, тонкие руки и короткие ноги. Тяжело с такой внешностью в школе, но Серега завоевал уважение из-за своей скорости. Он был быстр во всем: в драке, разговоре, мыслях. Четкий, резкий, как белка. Постоянно кипятил в голове миллион идей, всегда чем-то занимался: то вкладышами обменивался, то видеокассеты продавал.

Антон с ним никогда не дружил, просто не поспевал.

Поэтому, когда он встретился с Сергеем на инвестиционном форуме, и узнал не сразу.

Бывших однокашников представили коллеги. Антона как потенциального инвестора, а, точнее, представителя БерБанка, Сергея – как владельца бизнеса, которому требуются вложения для развития.

Антон не поверил своим глазам. Перед ним был совсем другой человек. Толстый, размеренный и даже медлительный. С виду похож на мультяшного богача, большой живот начинался прямо от груди, расплываясь по всему телу, включая спину. Белая рубашка, черный смокинг. Редкие темные волосы, гелем зализанные назад. Сигара, на мизинце перстень с черным камнем. Блестящие туфли. В руке бокал коньяка. Хотелось, чтобы еще и шляпа. Котелок. Но нет, обошлось без нее.

От ностальгии по школьным годам приятели перешли к делу. Серега оказался серьезным бизнесменом, заработавшим большую часть капитала на розничной торговле. Теперь же у него новый бизнес, по его словам, с отличными дивидендами. Ленясь открывать рот, он объяснил, в чем его суть:

– Знаешь, что стоит самых больших бабок? – зашел Сергей Аронович издалека

– Разговор без наводящих вопросов должен стоять самых больших бабок, – не удержался Антон.

– Дурик, я серьезно. Самое дорогое то, благодаря чему ты можешь купить себе все.

– Деньги, что ли?

Оса отрицательно качал головой.

– О, Господи, ну что же?

– Воля.

– Что, простите?

– Самое ценное – сила воли. С помощью нее ты сможешь иметь все, что захочешь. Я продаю волю.

– А, угу... Ну теперь понятно. Я-то думаю, че тут Железный дровосек у ворот околачивается. Теперь понятно – к вам пришел. Слушай, я б себе смелость взял, со скидкой, пачки две. Занимаешься? – Антон перешел на школьное «ты».

Сергей Аронович засмеялся в голос.

– А ты я смотрю такая же язва. Хорошо, хоть что-то в жизни не меняется. На, посмотри лучше.

Подошла молодая брюнетка с белым ноутбуком, поставила его на журнальный столик и включила ролик.

На черном фоне солидный лысый мужчина объяснял, что они продают.

«Компания „Школа Воли“. Мы заставим вас делать то, что вы хотите сделать. Задорого. Гарантируем, именно благодаря нам вы сделаете то, что хотели. Неважно что: выучить английский или написать роман. Все что угодно. Если вы этого хотите, мы заставим вас это сделать».

В кадре появился Сергей Аронович.

«Человек – плохой хозяин самому себе. Он не может выполнять собственные приказы, наказывать себя за невыполнение, толком не знает, чего хочет, куда стремится. Не имеет

плана, не понимает, что делать через месяц, год, пять лет. Вечно сбивается с пути, отвлекается, ленится. И врет, врет, врет. Я бы не доверил такому типу управлять даже маленьким проектом, не то что человеческой жизнью».

Затем опять появился лысый мужик, но Сергей закрыл ноутбук. Наклонился и прошептал.

– Это золотая жила, Тоха.

– Да? Я чет не уловил. И где золото-то?

– Будь уверен. Это не только бабки, но и власть. Знаешь, какие люди ко мне приходят.

– Ну, глядя на тебя, могу представить.

– Не-а, не можешь, – Сергей выдохнул в сторону. Антон и впрямь не мог представить, какие люди приходят в школу воли.

Сергей Аронович махнул коньяка и затынулся.

– В общем, у нас с бабками проблем нет, мы уже с двумя банками договорились. Но если ты свой барыш имеешь, давай с тобой сработаю. Мне все равно, а тебе помогу. Держи вот, – Сергей протянул визитку, – приходи во вторник на занятие. Полезно будет.

На том и порешили, пожали руки и отправились по своим делам.

«... на столе осталось заявление и бутылка дорого

виски. Вышел на улицу.

Не знаю, что ждет меня впереди, правильно ли я поступаю, не вернусь ли через полгода на коленях, умоляя принять обратно. А вдруг так и будет, и вся моя боль не более, чем самодурство, от жсира. Что, если, столкнувшись с настоящими проблемами, нищетой, голодом, презрением, неожиданно осознав, что «Сникерс» мне не по карману, я испугаюсь, не смогу побороть зависть к друзьям, а те, как назло, будут покупать новые машины, хвастаться успехами в бизнесе и на работе?»

Антон засыпал с хроническими мыслями, просыпался с головной болью. Будто кто-то ударил в тарелки три недели назад, а гул в голове по-прежнему не стихает.

Тошнота. Сартр бы обзавидовался. Будто меня надули болотным газом. Внутри гнилой комок. Тошнит, но никак не вырвет.

Как бы сделать так, чтобы этого дня не было. Вот бы в аптеке продавалась смерть в таблетках. Выпил и умер. Ну как умер, полежал бы недельку без чувств, без сна, без головной боли. Потом воскреснуть. И начать жить заново. Мими-Иисус. Эх, купить бы упаковочку!

Работа. Как же она достала, я превратился в робота. Могу все делать с закрытыми глазами, не ошибусь. А если ошибусь, велика ли забота? Плевать.

Особенно бесит, когда кто-нибудь из близких, допустим, жена ненаглядная, спрашивает: «Что-то случилось? Что с на-

строением? Кто-то умер?» Как же хочется в такие моменты, чтобы действительно что-то случилось. Умер бы кто-то из близких, обнаружили рак, взорвался чертов газ в квартире. Тогда хотя бы можно было сказать, что именно случилось.

Но нет, все нормально. Приходится отвечать, дескать, все в порядке, нормально. После этого, как полный кретин, задаешь себе идиотский вопрос. «Что же, Антон, у тебя такое лицо кислое, настроение плохое, если все нормально?» Да, нормально. Но от этой нормальности с души воротит. Послать бы ее к чертям подальше.

Как ответить на вопрос «что случилось?».

«Ничего, дорогая любимая женушка, не случилось, все нормально. Просто меня от всего тошнит. От тебя, кстати, тоже. Ты ведь тоже нормальная. И работа у меня нормальная, и дочка нормальная. И сам я нормальный».

ВАШУ МАТЬ!

Я не всегда был таким. Раньше стремился, жаждал, мечтал. Каждый день как жемчужина. Ногти ломал об раковину, лишь добраться до драгоценности. Проблемы, труд – какая ерунда! Знания, вот что заводило. Каждый день преодолевать себя, находить свои рубежи, бросать вызов.

Сменить работу на «пожалуйста». Переехать в другой город? Будет сделано. Жениться на самой красивой девушке в городе? Желание исполнено.

За все приходилось платить, за все биться. Ничто не дава-

лось даром. Но это-то и заводило. И куда все делось? Что изменилось? Почему я перестал хотеть большего, остановился?

Устал? Нет, просто надоело. Все, что ты хочешь, сбывается. Так устроена жизнь. От побед устаешь больше, чем от поражений.

«Милый, что с тобой, что-то случилось?»

Да, случилось родная – я перестал хотеть. Ни карьеры, ни успеха, ни тем более тебя. Хотелка сломалась, милая. Вот что случилось. По ходу, мне конец. Не могу так больше. Возможно, все подошло к своему концу, родная? Прошла любовь и страсть. Да просто время мое вышло. И нет смысла больше. Ни в работе, ни в семье, ни в жизни. Все мое покинуло землю. А тело осталось. А что, разве так не бывает? Я тебя люблю, родная, но и это не имеет смысла.

Раньше работал без выходных, по двенадцать часов в день. Горел. Был счастлив.

Раньше мы жили на съемной квартире. Деньги считали на неделю. Не могли купить приличный виски, пришлось бы обед пропускать. Но мы были счастливы. В нашей халупе ночевали друзья. Мы танцевали. Помнишь, ха, эти дурацкие танцы? Тогда у нас ничего не было. Но было все!

Сейчас у нас есть почти все, но ничего не осталось. Где счастье? К черту счастье, где я?!

Вот же, Антон, глянь в зеркало. Жив, здоров. Черт подери, хоть бы что-нибудь случилось. Где враги, трудности, вы-

зовы? Неужели к тридцати годам моя война закончилась?

Стоп, мы так не договаривались, я еще не навоевался. Мне нужны испытания, борьба. Ау-у-у! Где вы все? Хаос, где ты?

Тишина. Все на своих местах.

Милая, как тебе это объяснить, ответить на вопрос «что случилось»?

Попробую. Словом, я не могу найти рычаг, который переключает скорости. Вот что случилось. В машине он есть, а в жизни исчез. Здесь я всего достиг, разогнался до максимума. Как повесить передачу? Знаешь? Вот и я нет.

С машиной непонятно? Ах да, дорогая, у тебя же «автомат» Тогда вспомни, как в детстве ты играла в "Марио" или в "Танчики". Представь, уровень прошла, всех победила, а на другой тебе все равно не дают перейти. Второй раз, третий, четвертый, сотый – уровень начинается заново.

Черт! Это ошибка системы или наказание?

Но за что, что я такого сделал? Хороший же парень. Черт!

Да, страсть проходит. В курсе, слышал. Но почему никто не предупредил, что после этого одолевает тошнота? Почему пустота не может быть пустой, сразу наполняется смрадом?

Мы пять лет прожили в раю. Но сейчас, милая, что-то произошло. Что – понять не могу. Вот если бы ты растолстела, ходила в бигуди, я бы понял, в чем проблема. Но ты, черт возьми, по-прежнему сексуальна. Даже лучше стала. Я же вижу, как на твою попку пялятся мужики. Мне бы их глаза, убудки!

У меня не то что на секс сил не хватает, носки-то снять не могу перед сном. Так и падаю. Приезжаю на работу к 11.00. Уезжаю в 16.00 вусмерть уставшим. Какой там секс, на третий этаж пешком не поднимусь. В лифте на стенку облокачиваюсь.

Наверное, это пройдет. Наверное, через какое то время я буду снова весел и полон сил. Без этого кислого, как ты говоришь, лица. Наверное, надо еще потерпеть.

А может, и нет. Может, действительно, время мое прошло. Все сгорело. Ха, «сгорело» – красивое слово. Про меня – скорее протухло, как забытые в машине мокрые плавки.

Головная боль проходит только тогда, когда напьюсь вина. Я начал заказывать его ящиками. Из Абхазии. Вкусно. Две бутылки вечером, и отлично! Но это – не я. Это то, что стало со мной. Наверное, скоро и это исчезнет.

А так нет, ничего не случилось. Все хорошо.

Взгляд упал на визитку «Школа воли, Сергей Аронович, директор».

Если мне уготовлен ад, почему бы не отправиться в него прямо сейчас?

Тупые курсы сойдут за круг первый.

Жара искала свои пределы. Июньское солнце озлобилось

на весь свет. Мокрыми были даже ресницы. Люди перебежали от машин к зданиям, те, кто ехал на метро, плавили своей ненавистью сиденья и резиновые перила эскалатора.

Через два часа Антон сидел с Сергеем в кафе.

– Сергей, я обсудил с руководством твой проект, – врал он. – Мы посмотрели бизнес-план, кэш-флоу показан хороший. В принципе, мы готовы выдать ссуду. Но не совсем понятен маркетинг. Кто ваш целевой сегмент, и почему ты считаешь, что клиент придет к вам?

– Хм, опять эта нудятина! – Сергей поменял позу в кресле. – Наш клиент – нормальный клиент. Заряженный. Деньги имеет. Уважение имеет. Но, сука, хотят больше. Такие сами нас найдут. Нам реклама не нужна. Так, по мелочи в Интернете. Тут главное грамотно себя преподнести. Что, мы не шарага и не ботаники. Понятно излагаю?

– Ну, допустим.

– Не понятно, что ли? Ну, как тебе еще объяснить-то? Короче, есть люди, которые уже умеют рулить и собой, и другими. Но еще не тузы, понимаешь? Есть куда расти, и они хотят расти. Они не тупые, понимают, что теряют возможности, а с ними и бабло.

Вот у них в жопе и свербит. Наша школа для них, как свечи от геморроя. Ты же махом свечку найдешь, как в заднице зашиплет, да? Вот и они так же. Понял?

– Так понятнее. Очень наглядно. – Антон не стал доедать

эклер. – Прикольно, то есть вы будете помогать богатым богатеть, успешным становиться еще успешнее, а власть имущим стяжать еще большую власть. Не слишком-то социально.

– Че? Социально? Кому на фиг это надо. Мне нужны бабки, им нужны бабки. У меня товар, у них деньги – работаем. Нет денег, давай, до свидания. Точка.

– А что, мне нравится, звучит как бизнес-модель.

– Да, там будут в основном бабы!

– Даже так?

– Да, они – типа жертвы. Все их обижают, а самим так и нейдет кем-то покомандовать, да так, чтобы прямо в рабов превратить. Ты что, баб не знаешь? Им только волю дай, устроят третий рейх. Это ведь неспроста, они чисто на эмоциях живут. Бог не дурак, не зря им мозгов не дал. Женщина с мозгами и силой воли страшнее ядерной бомбы. – Сергей заржал в голос, из открытого рта выплеснулось немного кофе. – Тьфу ты, блин! Бабы, блин! Дай-ка салфетку.

Антон протянул стойку с салфетками, хотя она и так стояла около Сергея.

– Серег, прости. Ты что, психоанализ изучил, откуда все знаешь? Ты же Оса, а говоришь как Фрейд? – Антон решил, что сравнение польстит однокласснику.

– Ха, Оса! Давно меня так не называли, со школы. И какой еще Фрейд. Я людей знаю, Тох, и нюх имею. Отвечаю. Люди хотят всего и сразу. Как только вкус почуют, не остановишь.

Даже не люди, а бабы. Хотя бабы – тоже ведь люди.

Сергей смеялся и скалил зубы. У Антона все съежилось внутри.

– А можно я похожу на пару занятий, посмотрю, как все устроено? Так легче убедить комиссию одобрить тебе ссуду.

– Ох, ну, конечно, дорогой. Тебе на халяву. И можешь привести с собой одного друга. – Сергей похлопал Антона по плечу. – Только не чмошника, а нормального, серьезного.

Оса встал, поправил ремень под животом и ушел, не расплатившись за кофе и штрудель с мороженым.

Антон попросил счет и залез в телефонную книжку в поисках номера Кирилла, начальника службы снабжения Ранс-нефти и по совместительству школьного приятеля.

– Ты прикинь, кого я сейчас видел! Осу! Ну, Серегу Осина. Да, одноклассника. Ты прикинь, он сейчас – реальный бизнесмен, дела серьезные мутит. Бербанк его финансировать будет.

Кирилл удивлялся не меньше антониного. Он помнил Осу, конченным двоечником, на которого учителя поставили крест и которому пророчили жизнь на Казанском вокзале.

Но настоящий сюрреализм начался, когда Антон пытался объяснить, чем теперь занимается их одноклассник.

– Чем торгует? Волей? Зэков под залог выкупает что ли?

Антон вкратце объяснил суть, но завяз в деталях.

– Кирюх, давай сходим – глянем,. Это же треш какой-то!

– Блин, не знаю время так-то нет особо.

– Я за тобой заеду завтра в восемь.

«Что, если я просто трус и лентяй, не в силах играть по правилам этого мира? По-взрослому. Не готов работать до предела, не способен строить жизнь в граде мирском?»

Что, если бегу не к большему, а просто убегая от меньшего, которое, несмотря на всю свою ничтожность, мне все равно не по зубам. Вдруг я сам себя убедил в его ничтожестве, специально принизил в собственном восприятии, чтобы проще отказаться бы и сбежать? Да как я посмел замахнуться на такие высоты, если даже в собственном болоте не смог жить как следует? Даже на столь примитивном уровне не стал лучшим, даже здесь боюсь некоторых людей, боюсь высказывать свое мнение, смотреть в глаза, перебивать, в конце концов!

Как я посмел посмотреть так далеко, позволил себе поверить, что могу уйти. Да я же через день вернусь на коленях. У меня же нет будущего без всего этого, а кто я без моей работы, денег, статуса?»

Антон прилег на диван напротив кондиционера. Тот гудел, как вертолет, но все равно не справлялся. Футболка липла к спине, но это лучше, чем потной спиной на кожаный диван. На кухне хлопотала жена. Они вместе уже пять лет. Это он точно знает. А сколько они еще будут вместе? Неизвестно. Раньше казалось, их любовь навсегда. Потом показалось, что любовь прошла, но остался надежный союз двух

душ. Теперь кажется, что он ошибся квартирой.

Ели молча. Взгляд из тарелки в телефон, обратно. Это нормально. Вернее стало нормальным. Он уже почти забыл, как они болтали с набитым ртом, смотрели сериалы под одеялом, шутили и хохотали. Как, объевшись, лежали в обнимку под солнцем на диване. Все это было и в другой квартире и другой жизни.

Невидимый обруч давил на виски уже месяц подряд. Антон разучился улыбаться. Страдальческая гримаса, так же называла выражение его лица. Антона тошнило от своей жизни. Это он знал, но от чего конкретно, понять не мог.

Приятель припарковались в тени деревьев у входа в Школу Воли, располагавшейся на последнем, выкупленном, этаже жилого дома с выходом на крышу.

На ресепшн их встретила симпатичная девушка. За ее спиной виднелась объемная восьмерка – логотип школы и слоган «Мы заставим вас делать то, что вы хотите сделать. Задорого».

Кирилл усмехнулся. Антон тоже.

Девушка отвела их в тренинг-зал и попросила подождать минутку.

На стенах висели фотографии счастливых клиентов. На столе разбросаны листовки: «С помощью простых упражнений, которые мы включили в нашу методику, вы сможете тренировать свою волю. В течение восьми месяцев вам

предстоит ежедневная тренировка, потом вы сможете продолжить работу самостоятельно. Не успеете оглянуться, как через год станете настолько сильными и волевыми, что любая ваша фраза, любое слово будет как удар молнии. Вам останется только выбрать, куда направить свою мощь. Будьте готовы, скоро настанет самый ответственный момент в жизни – выбор желаний».

– Заманчиво! – ухмыльнулись приятели.

В зал вошла уже знакомая безымянная симпатяга.

– Господа, рада представить вашего учителя Леонида Владимировича.

– Просто Леонид, милочка, просто Леонид, мы тут все свои. – В дверях стоял старичок лет семидесяти пяти, сутулый, низенький, сморщенный. Шел медленно, опираясь на палку.

Антон не мог скрыть удивления или даже разочарования.

«Блин! И этот старикан будет учить нас воле. Да он вот-вот к праотцам отправится!»

– Может быть, может быть, – промямлил старик себе под нос. – Друзья, сегодня наша первая встреча, поэтому будем только мы. Завтра к нам присоединятся другие. Сергей Аронович меня предупредил, насколько вы важные для нас клиенты, поэтому позвольте сразу к делу. Думаю, мы пропустим официальную часть, все эти знакомства только утомляют. Скажите-ка мне лучше, что вы хотели бы узнать обо мне, прежде чем мы начнем.

– Скажите, какой у вас опыт в подобной работе? – Антон пытался развеять сомнения, но получилось наоборот.

– В такой? Честно сказать, это моя первая группа. Мы с Сергеем полгода, как начали дружить. Группу набрали месяц назад. Еще парочке помогли удаленно.

– А, это та самая воля напрокат. Сергей рассказывал.

– Не знаю, как Сергей это называет, да и дистанционной работой занимается мой помощник. Я только программу пишу, а он уже общается с клиентами.

– Сергей рассказывал, как вы для исполнения контракта, по которому обязались заставить человека похудеть, шантажировали его грязными фото. Не страшно такими вещами заниматься? – Антон напал, ему показалось, что старик слаб не только физически. Стоило проверить.

Старик и впрямь потупился, не смог ответить. Отвернувшись к доске, взял мел и начал медленно что-то выводить. В этот момент в открытое окно залетел исполинский ворон, сделал круг по комнате, прошелестел перьями над головой Антона и вылетел в окно. Очухавшись, приятели увидели на доске одинокое слово «нет», старик испарился. Они переглянулись. Кирилл вскочил из-за стола.

– Что за черт, куда он подевался, здесь же был?

– Наверное, вышел по делам, старик же. – Антон словно обвинял.

Ученики выглянули в коридор, отошли от аудитории метра на три. Антон крикнул:

– Девушка, а наш дедушка не выходил, не видели?

Та лишь пожала плечами.

– Отлично! – воскликнул он. – Люди за это еще и деньги платят! Пойдем отсюда.

– Ок, только планшет заберу.

Кирилл вернулся в аудиторию и замер: за столом как ни в чем не бывало сидел Леонид и смотрел в окно.

Кирилл глянул на дверь, на старичка, снова на дверь, закружилась голова. Не мог он пройти незамеченным, просто не мог!!!

Старик перевел усталый взгляд на Кирилла.

– Зовите друга, продолжим.

Тот жестами позвал недовольного Антона, не отследившего странности, для него все это бардак.

Выслушав ворчание нерадивого клиента, старичок продолжил:

– Друзья, что еще вы хотели узнать обо мне?

Парни молчали, хотя явно давили в себе комментарии.

– Ну, не беда, не беда, успеется, – сказал старичок себе под нос.

Антон сглотнул.

– Итак, в отличие от других, вы пришли без конкретной цели. Обычно наших клиентов приводит сильная нужда, желание научиться владеть собой. Люди физически чувствуют потребность стать сильнее. А вы здесь, как я понимаю, ради любопытства или, вернее сказать, по делу. А раз так, думаю,

надолго вы не задержитесь.

– Почему это? – Кирилл даже обиделся. – Лично меня тема воли и саморазвития всегда интересовала.

– Да, и что же именно?

– Ну, например, отношения между мужчинами и женщинами. Всегда ли они разрушают волю? Бывают ли отношения, когда один человек не поглощает другого. Всегда ли нужно растворяться в ком-то, если хочешь быть с ним близок. Короче, можно ли оставаться собой и при этом быть с кем-то.

Антон взглядом дал понять: «Мы с тобой об этом еще поговорим, мужик».

– Мне тоже интересно, хотя бы потому, чтобы понять, работает это на самом деле или нет, смогу ли я накачать себе силу воли.

– Хорошо, – учитель подошел ближе, – но только помните, не существует воли как таковой. Вы не можете пощупать ее после тренировок, не повесите на спину, как рюкзак, не залезете на нее, как на пьедестал. Воля не результат вашего труда, а лишь наточенный меч самурая. Его остроту можно проверить только в бою. Вы должны стремиться не к мечу, а к победе в боях. – Парни кивнули. – Отлично, на сегодня хватит. Приходите завтра вместе с группой.

Кирилл повернулся к Антону.

– И все? Ради этого мы приезжали?

– Да, не густо как-то.

Они нехотя встали и поплелись к выходу. Старик даже взглядом не проводил, лишь когда они переступили порог, сказал:

– Первый шаг большим быть не может. Сегодня мы только познакомились. Часто ли в жизни случается что-то впервые? Не думайте, что сегодня вы мало узнали. Например, теперь знаете, как выглядит наш офис, дорогу сюда, как здесь парковаться, где наша аудитория, когда приходить в следующий раз. В конце концов, узнали меня. До сегодняшнего дня ничего этого для вас не существовало. Вы открыли маленький мир.

Да вы за один день продвинулись к своей цели, больше чем за всю жизнь.

– Был бы толк, – Антон все больше убеждался, что Оса организовал обычный лохотрон.

– Меч – ничто без рук самурая. Полезность – это ваше мастерство.

– Слышали уже.

Антон вышел на улицу расстроенный и хмурый. Жара кипятила раздражительность.

– Развод, – констатировал он, – старик так и будет повторять: «Ключ в ваших руках. Вы и так все знаете. Начните действовать». Будто я без него этого не понимаю. Зачем мне тогда ему платить? Развод.

– Не знаю. Похоже, – согласился Кирилл, – ладно, походим, видно будет.

– Походим? Ты ж не хотел. Что, понравилось?

– Вроде нет, но старичок забавный. Вдруг че толковое скажет.

– Времени жалко

– Да ладно, все равно только дом – работа, дом – работа.

Антон промолчал.

– Кстати, как на работе дела?

– Да ну, – Антон сел в машину и уехал не попрощавшись.

У меня же нет будущего без всего этого, кто я теперь без своей работы, без денег, без статуса?

Глупости, дурь, ложь. Все неправда. Это черт во мне говорит. Воистину сомнения придумал сатана.

У меня нет будущего? Да оно только сейчас и появилось. Именно в тот момент, когда я разрушал эту круговерть. Разве можно назвать будущим то, что происходит по расписанию, по календарю? Разве бывает будущее, когда нет завтра? Разве можно смотреть вперед, если ежедневно лишь повторяющееся вчера?

Нет уж, извините, не на того напали. Я десять лет страдал, каждое утро открывая вчерашние глаза. А теперь все, теперь-то уж настанет утро завтрашнего дня. Я принадлежу себе, а не понедельнично-пятничному кругу. Теперь-то вы, бюрократы и крысы офисные, мне не ровня. Вам меня не заполучить служить чужим идеалам. Как от чумы, от вас бегу я. Нет больше степлерно-бумажным сплетням, возни ног под столом, гулу

кондиционеров и шелесту тесных дуи в опенспейсах, нет больше ни человеческому ничтожеству, ни его внешнему проявлению.

Отныне только настоящее, только цельные важные мысли, предельные. Только то, на что не жалко тратить жизнь. «Смертельно болен»? А как иначе, может, и диагноз уже огласили, и капут мне на следующей неделе. Может, болезнь уже настолько въелась в меня и развилась, что и времени-то вовсе не осталось. Может, это были последние десять лет. Кто знает.

Поэтому не соврал. Правду сказал, а подробности объяснять – дело неблагодарное.

Антон не заметил, как доехал до дома. Дорога оказалась на редкость пустой. Жаль, лучше бы в пробке постоять. Он припарковался у подъезда, но домой не шел, так и сидел в машине Тошнота вернулась. Как же надоело. Будь оно все проклято.

Анюта была дома, приготовила ужин и уже поела.

Сидела за столом, смотрела в окно и тихонько плакала. Она видела, как муж в машине опять медлит с возвращением. В чем ее вина? Она – та же девочка с зелеными глазами, что и десять лет назад. В ней ничего не изменилось. Ни на грамм. На нее так же заглядываются мужчины, она по-прежнему весела с подругами. Ее улыбка освещает всех, кроме самого главного человека в мире. Что с ним, куда делся

их рай, почему теперь он смотрит на нее с отвращением?

Вот бы все стало как раньше! Лежали на диване, рассказывали друг другу, как прошел день. Смотрели киношку или просто дремали. Он бы обнимал меня. Какие у него нежные руки. Были нежные. Боженька, пожалуйста, пусть он снова меня полюбит. Я все что угодно сделаю.

На следующий день за завтраком Антон прокручивал в голове любимый эпизод об увольнении: босс просит остаться, почти умоляет, но он тверд, ни капли сомнения.

Антон ехал в офис, не поставив «кино» на паузу.

Я ухожу, потому что нет больше сил терпеть эту боль. Будто грудь буравят тонким сверлом. На день вроде останавливаются, и кажется – отпустило. Может, месяц не чувствую ничего, может, два. Думаешь, ну, слава богу, переболел, вылечился. Но нет, останавливались лишь для того, чтобы немного зажило, а потом опять сверлят и сверлят. Глаза аж на мокром месте. Да. Да. Среди людей в офисе сидишь, а тут так прихватит, что сдержаться сил нет. Зубы стиснешь, в мышку руками вцепишься – трещит вся, зажмуришься и чувствуешь, как глаза намокают. Думаешь, увидит кто, точно решит, дескать сильно заболел дорогой коллега.

Да только нет никакой болезни. Здоров я. У врачей был не раз. Ни одной болячки. Разве что спина немного искривлена. Но это сейчас у всех. Это мир такой

сейчас, спина кривая у всякого.

Вот от этого и хочу уйти, понимаете, спину хочу прямую и дух свободный. Не хочу больше копать в завалах обязательной ненужности. Хочу вытянуться в полный рост, да так, чтобы ветром обдавало и ввысь тянуло.

Ухожу я.

На работе письмо – ответ, письмо – ответ.

Начальник вызвал на встречу с коллегами из департамента продаж. Скучнейшее занятие, но надо создавать эффект присутствия.

Два часа коту под хвост. Не существует более глупой траты времени, как заседания и встречи. Тянутся, тянутся по прихоти лишь одного из участников. Все остальные должны сидеть и умирать от скуки. На таких встречах обычно ничего не решается.

Антон не скрывал своего безразличия к происходящему. Ему было откровенно наплевать, что подумают коллеги.

– Отлично, – резюмировал Эдуард, босс, крупный абхаз без манер. – На том и порешим. Антон, вышли мне сейчас протокол.

Разошлись.

Позже Антон отправил требуемое письмо, и тут же раздался звонок.

– Поднимись ко мне сейчас, – голос шефа не предвещал ничего хорошего.

Через минуту Эдуард отчитывал Антона.

– Да как так можно писать? Ты же все напутал. Здесь надо поставить запятую. Весь смысл меняется. Это не перечисление подпунктов, а выбор замещающих друг друга вариантов. Понимаешь? – И сам же отвечал. – Ничего ты не понимаешь. Такие элементарные вещи.

Антон молчал.

– Нечего краснеть. Думать надо, а не краснеть. Придется за тебя переделывать. Все, свободен.

Антон молча вышел. Спустился к себе, взял чистый лист. Большой ржавый рубильник переключили в положение «off».

Когда вы тянете за железную рукоятку, и она не поддается, последующее усилие либо сломает рычаг, либо сдвинет его с места. Это конец борьбы. Дальше либо победа, либо поражение. Либо рычаг переключится, либо сломается и передвинуть его впредь не будет никакой возможности.

Антон завис на этом моменте.

Заявление в руке, впереди дверь в кабинет шефа. Что будет, если давить дальше? Зайду в кабинет и поставлю точку или сломаюсь, подчинюсь страху? Если не сейчас, вряд ли потом осмелюсь. Проглочу это и дальше стерплю все, что угодно, перестану даже думать об уходе.

Ах, какой сладкий миг! Страх с удовольствием перемешались, не разобрать, что где.

Антон воспарил над моментом, как орел над озером, и об-

рушился. Атака. Ухожу. Рубильник поддался. Положение «off».

– Не понял, не понял. – Эдуард приподнялся на стуле с заявлением в руках. – Ты че, решил уйти, дорогой?

«Ой, только не делайте вид, будто сожалеете, и вам будет не хватать такого талантливое и яркое сотрудника. Не надо речей, что я подвожу компанию в столь трудный момент. И лекций о том, что я предаю доверие. Не надо давить на жалость. Уважайте себя, босс». – Антон приготовился защищаться от соблазнов и комплиментов.

– Ты куда собрался в один день? Две недели отходишь, как все.

Антон открыл рот, но сказать не получилось. Он приготовил совсем другие слова, теперь они не подходили. Так и стоял с открытым ртом. Что-то промычалось само по себе.

– Вздумаешь фыркать, я тебе такие характеристики нарисую, что ты не только в нормальное место не устроишься, вообще улицы подметать пойдешь. С волчьим билетом вылетишь, понял меня?

Надо что-то отвечать. Нельзя больше молчать. Антон, черт возьми, ты понял его?!!

Отвечай!

– А не кажется ли вам, Эдуард, что вы забываетесь? Я бы на вашем месте не был столь словоохотливым. Вы уже не с сотрудником разговариваете, и я ничего не должен. Так что попридержите язык, Эдик. – «Эдик» прозвучало как на-

стоящее обзывательство.

– Ты как разговариваешь? – у босса вдруг появился акцент. – Если не сотрудник, думаешь, можно мне хамить? Ты кто такой вообще? – Он вышел из-за стола, загородив окно плечами. В комнате потемнело.

– Ты мне угрожаешь? Че ты можешь? Ничего! Презентацию даже сам сделать не можешь, а еще...

Эдуард ударил. Это была пощечина от стодвадцатикилограммового самбиста.

Антон повалился на стулья у стены, выстроенные в ряд для больших делегаций. Бедолага упал на сидушки и сполз на пол. Мягкие спинки защитили голову.

Эдуард спрятал ударную руку за спину и замер. Не дай бог, в полицию заявит.

Через секунду Антон поднялся, придерживаясь за стену. Щека пылала, глаз слезился. Прямо было видно слезу. Чертов глаз. Вечно слезится от ветра, страха, злобы. Всегда выдает. Левый глаз плакса.

Антон стер слезу кулаком. Казалось, так выглядит брутальнее. Все лучше, чем открытой ладонью.

Эдуард сделал шаг назад, пытаясь оценить масштаб проблемы. Переборщил, явно. Но насколько? Теперь уже босс в том состоянии, когда через секунду рычаг либо переключится, либо сломается. Либо Антон уйдет, либо начнет скандал. Мурашки пробежали по спине самбиста. Антон не разглядел его страха. Широкая шея, рукава пиджака натя-

нуты на огромных бицепсах. Антон видел силу. Не драться же с этой гориллой, ей-богу. Да пошел он. Теперь-то я точно не буду дорабатывать две недели. Спасибо, сам помог, обезьяна. Антон усмехнулся, желая выказать презрение, но изобразил графиню.

– Пошел ты, – прошипел он и вышел, даже не стал возвращаться на рабочее место.

На улице вовсю светило солнце. Чирикали воробьи, кто-то просыпал перед офисом семечки, и птички бурлили на асфальте.

Как вы похожи на моих бывших коллег, но я все равно вас люблю, мышата.

Прошла головная боль. Щека перестала щипать. Глаз больше не сочился.

Все, как он представлял. Наконец попал в свою мечту. Даже не верится. Антон улыбался прохожим, шел никуда. Ноги сами привели его в парк. Купил мороженое, развалился на скамейке. Солнце ласкало обиженную щеку. Щекотно.

Не давил позор, не терзала обида, не тревожили страхи. Сердце наполнялось добротой. К прохожим, к опадающим листьям, к себе. Ты сделал это, Антон, ты ушел. Свобода! Рисуи новую жизнь. Что угодно. Дай волю фантазии, отпусти своих лошадей в галоп!

Тебя не остановить, большой, как космос. Уехху! «Я придумаю себе идеальную жизнь. Ту, о которой всегда мечтал. Наполню ее только тем, что сам считаю важным. Никакой

шелухи. Теперь-то я знаю, как надо. Никаких компромиссов. Никаких торгов. Только то, что я действительно хочу, что мне действительно нужно. Ни секунды у меня не выторгуете!

Нет ни толики сомнения во мне. Картина жизни прояснилась. Господи, я всю жизнь прожил маятником. Тяготел к чему-то и поэтому шатался из стороны в сторону. Но все в прошлом. Прощай, Антон сомневающийся. Здравствуй, Антон свободный. С работой покончено.

Счастливо оставаться, тля! Впереди новая жизнь. Теперь-то я сделаю все сам. Я знаю, как надо. Как же хорошо на душе. Хочется поделиться с кем-то радостью.

Моя бедная Анечка, как же она настрадалась от меня. Скорей бы ее увидеть, поделиться счастьем, а то замучил ее своей кислой миной. Как же я перед ней виноват. Перед моей милой терпеливой Анютой.

Антон заехал в цветочный, купил огромный букет. По дороге заказал в ресторане ужин на дом, шампанского. Дома все приготовил к романтическому вечеру. Нарядился в лучший костюм, натер туфли.

– Привет, – Антон встретил жену в коридоре.

– Привет, – тянула слога Анюта, – а что случилось? – она говорила медленно, будто пыталась раскрыть заговор или отгадать сложное слово в кроссворде.

– Случилось то, что я люблю мою красотку, – Антон вручил букет и поцеловал Анюту. Не позволил разуться, на руках донес до накрытого стола.

– Вау, как мило. Мое любимое шампанское, м-м-м, устрицы. Вкусняшки. Не знаю, в честь чего, но пока мне все очень нравится.

Анечка и забыла, что когда-то ее Антон был мечтой любой женщины, остроумный, заботливый и чуткий.

– Милый, ну серьезно, расскажи, что случилось, по какому поводу праздник?

– Анюта, я наконец-то уволился.

– Ничего себе! Обычно, когда увольняются, наоборот устраиваются. А почему? Позвали в другое место?

– Нет.

– Сокращение? Тогда должны дать два оклада.

– Не сокращение. – Антон уже чувствовал, чем может закончиться допрос.

– Да что произошло? Конфликт? Тебя уволили?

– Ну, что ты начинаешь? Не было конфликта, никто меня не увольнял, я сам уволился.

Антон вспомнил про пощечину, про то, как свалился на пол. Это ж надо упасть от шлепка. Позорище. Обруч сомкнулся вокруг головы.

Антон выпил бокал залпом.

– Милый, надо об этом поговорить, увольнение это серьезный шаг. Я желаю тебе добра, но от тебя многое зависит в нашей семье. Леночке надо в садик, и моей зарплаты на все не хватит.

– Слушай, ты можешь хоть два часа спокойно отдохнуть?

Потом обсудим все проблемы. Так хорошо сидим, я старался и действительно рад, что уволился.

– Милый, я с тобой. Просто мне хочется понимать, что происходит.

Антон оставил устрицу в покое. Может, и впрямь, если все рассказать, станет проще? Вдруг поймет? Сегодня же его день.

– Милая, меня достало.

Он начал, но заглох. Думал, самое трудное начать, а потом язык сам понесет. Но нет.

Все слова попрытались по углам.

– Что достало?

– Ну, не знаю, все. Жизнь такая.

Анюта замолчала. Теперь молчали оба. Хуже не придумаешь.

– Мы с Леной тебя достали.

Это – не вопрос, не претензия, не начало истерики. Аня ответила сама себе. Призналась за мужа. Антон так боялся ошибиться, выбирая слова, что совсем забыл, как губительно молчание. Женские страхи столпились за столом.

– Ну, что ты, в самом деле? Не надо все в кучу. Речь не о тебе и, тем более, не о Леночке. Обо мне. Со мной что-то не то.

– А что не то?

– Если б знал.

– Будешь работу искать теперь?

– При чем тут работа.

Анюта вцепилась ногтями себе в руку, чтобы не заплакать. Руки под столом, незаметно, можно царапать, сколько влезет. Лишь бы не плакала. Антон не любит, когда она плачет.

Всю жизнь Анюта думала только о нем. Сначала грезила им как мужчиной, потом родилась Леночка, и она любила семью и отца своей дочери. Она всегда жила чем-то большим, чем являлась сама. Чувствовала себя частью большей жизни. Потом у Антона начались тяжелые времена. Анюта не понимала их причину, не знала, что кроется за вечно плохим настроением. Не хотела понимать, боялась, если пытаться разобраться, вскроется страшная правда. Например, что Антон просто разлюбил ее.

Анюта старалась, как могла. Дом был в чистоте, Леночка здорова, обед и ужин по расписанию. Она все успевала, следила и за собой, и за домом. Умудрялась даже строить карьеру в фармхолдинге.

Привыкла думать о других. Это делало ее жизнь больше и ей самой придавало сил.

Теперь же, после этого замечательного ужина, Аня почувствовала, что ничего, кроме нее, не существует. Ни семьи, ни мужа. Кажется, даже будущее исчезло. И осталась она тет-а-тет с собой. А это так мало. И чертовски обидно.

– Скажи, Антон, ты вообще о ком-нибудь думаешь, кроме себя?

– Только не начинай.

– Почему же? По-моему, самое время. Я очень переживаю, что с тобой творится, но ты слишком зациклен на себе. Отпусти ситуацию. Ничего плохого не происходит. Пока еще. Все хорошо. Твоя жизнь практически идеальна. Я люблю тебя, мы в достатке, у нас есть дочка. Давай родим ей братика.

– Зачем вообще должен плодиться человек, который ни о чем, кроме себя не думает. – Антон язвил, чтобы Аня не перешла на жалостливый тон. Не начала смотреть на него, как на больного раком. Он этого не выносил.

«Она меня не понимает, это факт. Никогда не понимала, судя по всему. Ей просто надо любить. Даже, если это насилие. О да, женщины умеют насиловать, оставаясь жертвой».

Антон, встал. Ужин закончился с полными тарелками.

– Как мы будем жить, Антон? Ты думал об этом? Может, ты сможешь восстановиться? Пойди, скажи, что психанул. Они просто порвут твоё заявление, и все. Не делай резких движений. Ты знаешь, я поддерживаю тебя во всем, но только, если ты сам знаешь, чего хочешь. Но ты ведь не знаешь, – Аня торопилась все сказать, от чего повышала тон.

Голова раскалывалась. Желудок пытался избавиться от устриц и заодно от вечера. Плохая была идея. Захотел романтический ужин, но забыл, что живешь в пародийном шоу. Тут все превращается в злой балаган.

– Если бы я знал, уже делал. Милая, во всяком случае, я перестал делать то, чего не хочу. Это – уже прогресс, хотя

ты и не понимаешь. Вместо этого пытаешься вернуть меня в русло, от которого тошнит. Все. Разговор окончен, больше ни слова о моей работе.

Антон забрал бутылку со стола и ушел в комнату.

Через минуту Аня появилась в дверях. В комнату не зашла. Стояла в проходе. Говорила и говорила. Все громче и громче.

Антон старался переключиться, но это непросто, когда на тебя почти орет любимая. И все почему? Потому, что ты решил, что имеешь право на романтический ужин со свечами. Казалось, она никогда не остановится, наоборот говорила все громче и быстрее.

– Я тебя совсем не понимаю, ну что тебе не живется? Зачем ты все портишь? Не можешь без проблем? Ты уволился, хорошо. Не хочешь устраиваться на другую работу, пусть так. Но почему ты не можешь спокойно со мной обо всем поговорить? Когда мы с тобой вот так сидели и общались? Кажется, я знаю, что происходит. Ты просто хочешь снова быть свободным. Тебе в принципе семья не нужна. Ты хочешь любовных переживаний, приключений, интриг. Зачем ты вообще на мне женился? Чтобы мучить?

Антон не выдержал, хотелось как-то остановить водопад упреков. В порыве отчаяния он отшвырнул шампанское и закрыл уши руками. Бутылка пролетела пару метров, упала прямо у ног жены. Пена ущипнула ноги. Жена взвизгнула и, наконец, умолкла. Антон вскочил с кровати. Неужели попал

в Анюту?

— Родная, давай успокоимся. Сегодня на самом деле сложный день. Давай завтра поговорим. Сейчас просто ложись спать. — Он подошел к жене и нежно обнял за плечи.

Простых объятий хватило, чтобы она вмиг успокоилась, выдохнула и обняла его в ответ.

— Прости, родной, я просто испугалась.

— Не бойся, милая, я с тобой, все будет хорошо.

Так же незаметно, как ужин превратился в ссору, ссора перетекла в тихий семейный вечер.

Они легли на кровать, включили комедию с Адамом Сендлером. Конечно же, бросили ее и предались ласкам. Пусть сейчас уже не так кружит голову поцелуй, и запах не сводит с ума, но, черт подери, объятия — все еще признание. Вот, если бы можно было заниматься любовью всегда, не развивать отношения дальше этого. Если бы этого хватало. Вот оно, счастье, вот он рай. Ах, Ева, зачем ты стянула то чертово яблоко?

Антон лежал на спине с открытыми глазами, Аня спала на его плече. Давно такого не было. Он чувствовал ее дыхание и свое предательство. Казалось, мысли пачкают кожу красавицы.

Оставалось самое трудное, порвать с человеком, которого считаю второй половиной..

Спросите, для чего тебе, сумасброду, от любви отказываться? Ведь в ней наше спасение, не так ли?

Потому и отказываюсь, что люблю ее сильно, и отказ – это проявление сострадания, уважения к существу ее. Потому и вырываю свое сердце, не хочу ее мучить. Это мой путь. Если сейчас останется со мной, то потом сама уйдет, но прежде себя замучает, Леночку замучает, да и меня, пожалуй, в могилу сведет. Не смогу я жить с такой тяжестью. Каждый день себя винить буду за то, что, создав себе завтра, отнял это самое завтра у любимой, убил ее будущее, поставил ее жизнь на круговерть ада. Новый день ей, как тиски, будет впиваться и до крови натирать. Легче себе руки оторвать, чем боль эту терпеть.

Нет, не хочу я такого зла совершать, не для того на свет пришел, чтобы людей заживо мучить, не мой это путь.

Да-да, свобода каждому дана и в равной степени поделена между мужем и женой, между каждым в нашем мире. Слышу ропот ваш, дескать, не мне решать, как человек жить захочет. Может быть, страдание со мной ей дороже счастливой жизни. Или считаете, не думал я об этом, не хотелось мне все на ее волю перекинуть. Мол, выбирай, готова жить со мной новым, какого ты ранее не знала или нет?

Только не честно это, потому что голову я ей морочил, говорил о ветрах будто в море ходил и только на берег сошел после плавания великого. А на самом деле ничего кроме лужи грязной я в улыбке своей не прятал.

Так посудите сами, если она полюбила меня

другого и совсем не знает, что во мне скрывается, разве справедливо давать человеку право выбора, когда он еще ослеплен чувствами и обманут кривыми зеркалами? Разве могла она подумать, когда повстречала молодого паренька, что ложь все это, не тот он, за кого себя выдать пытается? Не готова, точно говорю, не готова она со мной путь пройти. Это равносильно каторге, на которую, может, и отважится по любви добровольно. Но скажите, заслужила ли она, невинное создание, каторгу? За какие грехи ей идти не своей дорогой, ведь человек она не меньший, не придаток моей потерянной душе.

Нет, не уговаривайте, не смогу я так поступить. Не смогу дать выбор самостоятельно сделать. Ибо сделает она его неправильно и страдать будет. Невинно, не за свою слабость. Не она же притворялась, что по морям ходит. Мир-то ее красивый, не лужа, целый, не разбитый, душа-то ее настоящая, не трепещущая свеча. Нет в ней боли ненавистной. Зачем ей на холм взбираться, пусть уж спокойно продолжает путь.

А любовь? Может, преувеличили ее поэты, может, справится со временем. Точно справится. Вернее справится, чем с муками такими. И мне легче будет.

Может, зря я все усложняю. Может, не навсегда с Анютой прощаться будем. Быть может, года хватит. На ноги встану, найду себя, займусь любимым делом. Только бы понять, чему себя посвятить, и мир преобразится, и к Анюте вернусь, если примет. Ведь

нет для меня жены другой, кроме той, что сам Бог послал.

Вот бы только боль эта прошла, и все будет снова хорошо.

Чувствую, все наладится, в душе у меня ожидание чего-то большого. Новая жизнь, с ветрами и штормами. Как же хочется окунуться в нее с головой, скорее вылезти из куколки и расправить крылья.

Антон засыпал с ожиданием чуда. Тяжелые мысли о расставании отступали перед фантазиями о новой жизни. Он аккуратно освободился из-под головы бывшей жены и повернулся на бок.

« – Когда у вас митинг с боссом?

– Через десять минут.

– Какие трусики на тебе?

– Стринги, черные.

– Ты в юбке?

– Да, и в чулках, как положено.

– Иди в туалет, сними трусики, засунь их в себя полностью. Только маленький хвостик оставь и иди на совещание.

– Спасибо, родной мой».

Накануне Кирилл приехал домой со смешанными чувствами. Что-то странное в этом тренере. Вроде обычный старик, а вроде и нет. Что он бурчит себе под нос? Как вернулся в аудиторию? Еще этот ужасный ворон. Какая-то в нем за-

гадка, что-то все-таки в нем не то. С этими мыслями Кирилл зашел в свою квартиру. Он переехал сюда после развода. Купил пентхаус, мечту холостяка. Двадцать девятый этаж, выход на крышу. Можно любоваться городом с бокалом в руке. Но самая главная достопримечательность квартиры красовалась посреди зала, напротив панорамных окон. Джакузи. Лежишь в горячей воде, перед тобой снежный город, в руках шампанское, рядом девочка. М-м-м, красота!

Кирилл решил жить, как хотел всю жизнь. Делать то, что хотел делать. Купил спортивную машину, мотоцикл, крутил романы с юными леди. Слишком много времени потратил впустую. Слишком долго был одурманен любовью. Она прошла, и все, что оставила – ощущение потерянного времени.

Кирилл и Антон знакомы с детства. Но три года назад они крепко поругались. Антон обрубил общение. Кирилл не стал бегать за обиженным. В один день двадцатилетняя дружба прекратилась из-за ссоры на семейной вечеринке. И не ссоры даже. Это было обличение. Антон хорошо помнит тот вечер. Гости уже разошлись. Жены легли спать. Светало. Друзья допивали водку за разграбленным столом. Кирилл наливал до краев.

– Тоха, я разочарован.

– Что такое?

– Разочаровался в отношениях между мужчиной и жен-

щиной. Они все бесплодны, ни к чему не ведут.

– Ну, смотря какие. Одни ведут, другие нет, вот, например...

– Все бесплодны, все! Это игра без суперуровня, Тох, нетрая для терпеливых супругов. Фиг! Вот, я вижу, ты ломаешь себя во имя брака. Думаешь, перетерпишь, и будет лучше. Нет, станет только хуже, Тоха, да-да!

– Чего это я ломаю себя? Не ломаю я, просто живу.

– Ага, просто. Ты че, реально думаешь, Аня тебя не меняет? Еще как меняет! Не бывает «просто». Ты живешь ради отношений, надеешься на какой-то результат. Но ни фи-га. Не дождешься. Как бы долго отношения ни длились, они заканчиваются, а вместе с ними заканчивается все.

– К чему ты это? Что заканчивается? Может, у тебя с Вико-й что-то и заканчивается, у нас с Аней все развивается. Становится больше. От первой встречи до сегодня, знаешь, сколько мы прошли всего. Как выросли. Леночка у нас теперь есть. «Результата нет». Че-то ты погнал.

Кирилл замахнул полную рюмку. Облил подбородок и грудь.

– Вот запалит тебя Аня, бросит, и все исчезнет. Останешься ни с чем. Никакого тебе «развились», «выросли» и прочей ерунды. Нет человека, нет и накоплений

– Чего-чего?! Что значит запалит, с чем запалит?

– А-а-а, ты же финансист, ща объясню. По-твоему. Отношения – это не инвестиции. То есть ты не получишь дивид-

дендов. Понимаешь?

– Не с чем меня палить, я Анюте ни разу не изменял. Это тебя Вика скорее бросит. Если у вас в какие-то проблемы, нечего на нас валить.

– У всех все одно, наливай.

– Не хочу больше.

– Надо допить.

Антон налил по полрюмки и убрал еще не пустую бутылку на пол. Кирилл продолжал.

– Ты останешься ровно с тем, что имел на старте, с самим собой. Только от тебя хрен что останется к этому времени. Вот так.

– Ты про себя говори. Нострадамус.

– Да, Нострадамус, я все предвижу. У меня с Викторией так же было, а теперь – полная жопа. Не могу больше видеть ее, достало. Оры, крики. Ты, братан, только на пути к этому. Я вижу.

– Да пошел ты. Успокоишься, нет? У меня все нормально.

– Ага, конечно. Давай-давай, надейся, что твой смертельно больной в порядке.

– Кто? Какой больной, черт подери, что ты несешь?

– Истину, друг мой, ты мне потом спасибо скажешь, все твои попытки сохранить брак – инъекции для обреченного. Перестань колоть, хорош! Пусть подышает. Он этого не стоит.

– Полный бред. Я тебе скажу на твоём языке, чтобы ты по-

нял и отстал. Больной точно стоит того, чтобы жить. Во всяком случае, мой больной. Со своим делай, что хочешь. Ко мне не лезь.

– Мне тебя, братан, жалко. Ты по-любому хоть раз задумывался об этом. Я помочь хочу. Если думал о том, стоит продолжать или нет, значит, не стоит. Раз задумался, все, кранты. Значит, что-то ждешь от будущего, повелся на суперуровень. Ну, скажи, ты хоть раз думал, «стоит ли брак того, что мне приходится ходить говном измазанным». Ну, давай, не ври мне. Думал, стоит ли все это моего времени, усилий, идеалов? Глотал обиду хоть раз?

– Нет.

– Ну, не ври мне, че как маленький. Я ж знаю, было и не раз. По глазам вижу. По твоим, по Анькиным. Запомни, суперуровня не существует.

– Кирюх, что ты от меня хочешь? Ты реально достал, перестанешь, нет?

– Не перестану, Антоха, глаза раскрыть тебе хочу. Если бы у вас было в порядке, тебя бы не мучили сомнения. Ты бы эти инъекции с удовольствием колол, лишь бы еще денек выкрасть. Не повторяй моих ошибок. Я кайфовал по жизни. Любовь была в удовольствие, и я колол больного изо всех сил. Но потом удовольствие прошло, страсть ослабла, и я начал верить в суперуровень. Думал, надо потерпеть, переждать, потом все будет хорошо. Так я превратил свою жизнь в оргию скандалов. Слава богу, все закончилось. Черт, от-

вечаю, больше никогда не вляпаюсь в подобное дерьмо. Любые отношения прекращу, как только пойму, что они больше не приносят удовольствия и перешли в режим ожидания суперуровня. Не доводи до предела, бросай Аньку сейчас, братан.

– Да пошел ты, как ты можешь такое говорить в моем доме? Бухой, что ли, совсем? У меня все хорошо! Я пошел спать с моей любимой женой! А ты не лезь ко мне, иначе я за себя не отвечаю! Решай свои проблемы сам! Будь жертвой жены и жалуйся на нее кому-нибудь другому! К нам не лезь! Охерел совсем!

Антон вскочил настолько резко, насколько может это сделать человек после девятичасовой пьянки. Хотел было что-то сказать напоследок, но то ли передумал, то ли поленился, в общем, промолчал и скрылся в спальне.

Кирилл допил рюмку. Посидел в раздумьях, ехать домой или ночевать здесь. Решил вызвать такси, но не справился с телефоном. Посидел еще с полчаса, так и уснул в кресле. Все лучше, чем с женой на одной кровати.

Это было три года назад. Через два года Кирилл разведется. Еще через полгода Антон поймет, что хотел ему сказать пьяный друг. Поймет слишком поздно. Позвонит и как ни в чем не бывало затеет разговор о пустяках. Кирилл почувствует, что с другом беда, и сделает вид, будто не было этих двух с половиной лет.

- Тончик, что не так?
- Кирюх, плохо мне.
- Что случилось?
- Не знаю, ничего. Но плохо мне. Очень.
- У-у-у, беда. Встретимся?
- Давай. Я заеду. Ты ж теперь один живешь?
- Да, полгода уже. Как раз заценишь мой пентхаус.

Петнхаус не впечатлил. Красиво, конечно, девкам, небось, нравится, но Антону сейчас впору монастырская келья с тощим окошком. Он сел на край барного стула, налил себе виски, затем спросил Кирилла и налил ему.

– Ну, чего приуныл-то, дружище? – Кирилл отложил в сторону телефон.

– Блин, не знаю, Кирюх, вроде, если подумать, все нормально. Жизнь нормальная, карьера, жена, здоровье в норме, мама, папа живы, деньги есть. Все хорошо. Но тошно, сил нет. Отвращение ко всему. Ничего не могу поделать. Настроения нет. В зеркало смотрю, от себя тошно. «Что тебе не живется, скотина», – думаю.

– Кризис среднего возраста, видать, нагнал. Давно такое? Вместо ответа Антон достал планшет.

– Смотри, что я нашел дома, – он открыл фотографию какой-то записки и протянул другу.

Кирилл читал неразборчивый почерк.

«О, Господи, не предаю ли я самое главное, что

есть в жизни, растрачивая себя на ерунду, на пустые вещи? Не предаю ли я своих ангелов, которые тщетно пытаются направить меня на путь истинный? Что со мной?

Я слышу, как утекает время, а с ним шелест невидимых крыльев.

Вот, ш-ш-ш, ш-ш-ш-ш-ш, я чувствую, как пролетает еще один стареющий ангел.

Это исчезает мой мир.

Но самое мерзкое, я не уверен, есть ли вообще этот «мой мир».

Может, это ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш-ш мое воображение. Если бы я знал наверняка, не сомневался. Изменил жизнь в один день. Но нет.

Я не уверен ни в том, что другой мир существует, ни том, что его нет.

Живу в сомнениях, и это худшее место на земле.

Мне страшно от того, что я преследую не те цели. Смотрю не в тот горизонт. Иду не той дорогой. Мне страшно, что мой настоящий мир умирает где-то там, вдалеке от меня. Ох, если бы этот страх был один, я смог бы его победить. Но у него есть брат-близнец. Я боюсь его не меньше.

Боюсь отказаться от того, что уже есть. Ошибиться, потерять, что имею, но не обрести большего.

Я прикован ногами к камню, а за руки привязан к воздушному шару. С годами привыкаешь к такому положению и уже не замечаешь.

Только иногда так прихватит, что сил нет сдерживать крик».

– Ого, это ты написал?

– Да, я, семь лет назад.

– Семь лет? Так давно! Рано у тебя что-то кризис среднего возраста начался.

– С возрастом это не связано. Так всю жизнь. Сколько себя помню. Легче не становится.

Кирилл теребил волосы.

– Тончик, прямо даже не знаю. Мне это не знакомо. Давай скажу за себя, а ты уже сам решай. Ты знаешь, что я, например, часто твержу о саморазвитии. Познавать себя и мир, в этом моя жизнь. Но смотри, кто я. Не исследователь, не ученый. Закупщик в нефтянке. Что может быть более быдладским? Тем не менее я не парюсь. Наоборот, это хорошо, ведь я изучаю жизнь изнутри. Да, меня окружают ворюги и колхозники. Но, глядя на них, понимаю, каким быть нельзя. Отличная мотивация. Конечно, я тоже рефлексую и грызу себя. Допустим, я натура чересчур увлекающаяся. Это мой бич. Влюбленность или работа поглощают всего меня. Потом отпускают, и я страдаю по упущенному времени. И так постоянно. Здесь ничего не поделаешь, просто стараюсь учиться на ошибках. У тебя как-то по-другому. Тебе кажется, ты занимаешься не своим делом.

– Не только делом, Кирюх, вообще живу не своей жизнью. Не в том городе живу, не с теми людьми общаюсь и да –

не тем занимаюсь.

Антон несколькими глотками допил виски.

– Ну, а что твое? Чем бы ты хотел заниматься?

– Я? Да блин, не знаю, мне рисовать нравится.

– Рисовать?

– Ну да.

– Ты же не учился.

– Нет.

– Вообще хоть пробовал?

– Так, не особо. Чуть-чуть.

– Давай ты сначала попробуешь. Походишь на курсы, поймаешь, каково это. Может, тебе только кажется, что нравится, а на самом деле начнешь и бросишь сразу.

– Может быть, Кирюх. Я точно знаю пока только одно, все, что сейчас имею, не мое. А что мое, не знаю. В этом-то и вся печаль.

– Да уж. А с Анютой что?

– То же самое.

– Разлюбил, тоже не твоя?

– Не знаю.

– Я же говорил, лучше бы ошибся. – Кирилл отвел глаза, зачем он напился тогда. Мог бы нормально объяснить. Так нет, нажрался и плел пьяную ересь. – Что будешь делать?

– Не знаю, ничего. Что я могу сделать?

– Разведись.

– У нас дочка.

– Ну и что?

Антон прожгла зависть. Как можно быть таким уверенным во всем? Любой на его месте возмутился: «Как это бросить жену с ребенком? У самого детей нет, вот и не советуй ерунды. Советчик, тоже мне. От жены ушел, с работы на работу прыгаешь. Ты – зайчик, только и скачешь от проблем. Будешь еще меня жизни учить».

Но он не возмущался, его завораживала непоколебимость, с которой Кирилл шагает по жизни. Прет напролом, всегда прав, даже если ошибается. Ему бы так.

– Кирилл, я не смогу их бросить. Просто не смогу.

– Тоха, ты мне друг. Скажу как есть. Если будешь пытаться остаться с ними, сделаешь их несчастными. Умение уйти вовремя – это Божий дар. Вот посмотри на меня. Я ушел от Вики. Прошло полгода, и единственное, о чем я жалею, что не сделал этого раньше.

– Это – ты. Не сравнивай.

– Тоха, Тончик, послушай. Пусть лучше малышка знает, что у нее есть счастливый и хороший папа, который живет не с ними, но где-то рядом, чем будет видеть каждый день несчастного, грубого, безразличного ворчуна. Ты ведь не хочешь, чтобы она разочаровалась в мужчинах?

– У детей должны быть оба родителя. Я не могу уйти.

– Ты упрямый, как сто ослов. Прошлый раз, когда я пытался что-то объяснить, все закончилось нашей ссорой. Я ценю дружбу с тобой, поэтому замолкаю. Поступай, как зна-

ешь. А вернее, не делай, как знаешь. Я тебе всегда помогу, когда станет тяжело.

– Спасибо. Вызову такси, уже поздно, я все же пока семейный человек.

Антон достал телефон.

Кирилл тоже проверил входящие. Было три сообщения от девушки, записанной как «Таня Вещь». Кирилл усмехнулся и положил телефон на стол.

– Что такой довольный, Кирюх?

– Нет, ничего. Дрессирую тут одну.

– Что делаешь?

– Дрессирую, потом расскажу. Это надолго.

– Блин, ты реально извращенец, с кем я советуюсь, о, боги!

– Со знатоком женских душ, может быть, лучшим во всей Москве.

– Какие души, такие и знатоки.

Антон ехал домой с тяжелым сердцем. Зря выпил, голова разболелась сильнее.

«Разводись», – крутился в голове совет Кирилла.

Как это разводись?! Это ж моя любовь, жена. Я обещал, что буду с ней всегда.

Разводись. Легко сказать. Вот бы она умерла...

Тишина.

«Нет, это не я. Я не мог такое подумать. Черт, Антон, кто же ты? Кто может желать смерти матери своего ребенка?

Женщине, которая всем сердцем тебя любит?

Антон? Тишина. Антон?

Да будь она проклята! Я не виноват в том, что меня кто-то любит. Пусть любит, это ее проблемы. Не хочу, не хочу быть с ней. Хочу по-другому. Я ведь не должен расплачиваться за ее любовь своей жизнью. Она меня тормозит, расслабляет. Пусть исчезнет куда-нибудь. Разлюбит меня, ну, пожалуйста. Найдет себе другого. Даст повод развестись. Вот бы узнать, что у нее кто-то есть. Какое же это было бы облегчение. Снялась бы ответственность за жену. Вот бы появился кто-нибудь, кто сказал: «Я забираю твою жену и дочку». О, это было бы божественно. Пусть он любит их, заботится. Уверен, любой это сделает лучше меня. Это было бы идеально. Но нет. Она любит меня, черт возьми. Ее любовь не дает нам жить. Она сама все портит и сделает дочурку несчастной. Своей любовной тиранией всех погубит.

Решено, пока я еще на что-то способен, не превратился в настоящую гниду, должен уйти сам. Уйти красиво, быть может, не навсегда, скажем, на год. Пока все не встанет на свои места».

В тот вечер Антон не смог отогнать тяжелые мысли, так и вернулся с ними домой. Аня по лицу поняла, муж не в духе, и молча ушла спать. Антон допоздна просидел в Интернете, дожидаясь, пока жена наверняка уснет, и только после этого тихонечко занял краешек семейного ложа. С тех пор он больше не обнимал жену ночью.

Через полгода Антон повстречает Осу и уволится.

Еще через некоторое время откроет самую успешную галерею в городе.

Это будет лучший и последний год в его жизни. Но обо всем по порядку.

Он ушел с работы.

Выходные прошли быстро. Антон почти не разговаривал с женой.

Тратил минимум слов, необходимый для вежливого сожительствa. Оказалось, хватает пятидесяти. Все мысли крутились вокруг того, как тактичнее оформить свой уход. Нужен спокойный вечер. Лучше выходной. Он украсит дом цветами. Не просто расставит по вазам, а постарается как следует. Ванна с лепестками роз, кашпо на стенах, купит десяток корзин. Квартира превратится в сад. Он приготовит ужин. Все сделает, как положено. Антон ни на минуту не забывал, какая ответственность лежит на нем.

«Это моя жена. Мать моего ребенка. Так получилось, что я пока не могу быть с ней.

Но страдать от этого никто не должен. Я всегда буду заботиться о ней и о малютке. Помогать всем. Я не исчезну из ее жизни. Буду гулять с Леночкой, оплачивать все счета, няню,

садик, продукты. Все. До тех пор, пока она не найдет нового мужчину.

Конечно же, оставлю ей квартиру, машину. Это не обсуждается. Анята поверила мне, и я не подведу. Да, мы разведемся, но я не перестану заботиться о дорогих мне людях. Я прожил счастливую жизнь с ней. Обьедался ее дарами, заботой, поддержкой, нежностью. Жизни не хватит сполна отплатить ей за любовь, но я буду стараться. Как же мне повезло с женой. О господи, бедная Аня, как же она настрадалась. Надеюсь, сможет найти достойного мужчину. В сто раз лучше меня. Я уверен, сможет. Она – золотце. Бедняжка, как жаль, что я оказался таким. Почему она влюбилась в меня. Неужели я так сильно затуманил ей глаза? Какой же я, наверное, подонок. Ничего, скоро все исправлю. Думаю, она поймет. Она же все чувствует, понимает, что со мной скверное творится. Мне кажется, все будет хорошо, может, даже будем еще вместе, просто сейчас надо сделать паузу и собраться с мыслями. Мне нужно стать собой, запустить собственный проект».

Зазвонил телефон.

– Здорово, Кирюх!

– Готов?

– К чему?

– Ну как, сегодня первое занятие твоей школы воли.

– М-м-м-да? Я чет забыл.

На той стороне почувствовалось раздражение.

– А во сколько?

– Антон, в восемь, и ты по любому пойдешь.

– Кирюх, честно, неохота, еще по дому дела. Я пас.

Антон услышал, как Кирилл набрал воздуха, и поэтому отодвинул трубку подальше от уха. Сейчас будет ругаться.

– Ну, ты нормальный, вообще, нет? Сам меня подсадил на эту секту. Я ж не хотел. Из уважения к тебе. Сделал одолжение, а теперь ты сливаешься? Кто ты после этого? Нет, братан, сегодня ты по любому пойдешь со мной, в счет долга. Тогда я за тебя ходил, сегодня – ты. Квиты.

– Ну, не-е-е-ет. И вообще, чего ты туда так рвешься? Ерунда же полная.

– Почему ерунда? Толковый вроде дядька. Мож, научит чему полезному. Короче, я за тобой заеду в семь

Занятие началось чуть позже.

Леонид задерживался.

Напротив Кирилла сидела аппетитная брюнетка. Джинсы обтягивали, как кожура колбаску. Белая блузка с трудом сходилась в пуговицах. Грудь – девяносто пять, талия – шестьдесят три, бедра – девяносто три. Прикинуть на глазок нетрудно. Вершина мастерства – определить возраст красивой женщины. Тридцать один. У Кирилла свой секрет. Сгибы рук у кистей. Если там морщины, значит, старше двадцати пяти, если нет, моложе. Красотку звали Кристина, и у нее там бы-

ли морщины.

Рядом с Антоном сидел мужчина лет сорока, источая запах денег. Неизвестно, по каким мелочам, но нам удается почувствовать наличие денег. Бывает, человек разоденется в брендовые вещи, нацепит бриллианты, приедет на огромной дорогой машине, а ты смотришь на него и понимаешь – нищеврод. А бывает, сидит человек к тебе боком, одет скромно, тонкий свитер, брюки, мокасины, все без лого. Но как-то чувствуешь, есть, есть деньги у гражданина. Не просто есть, а завались. Перед Антоном сидел Георгий, владелец крупнейшего бизнес-консорциума в стране.

Антон шепнул Кириллу:

– Я-то думал, тут будет куча девочек.

– С чего вдруг?

– Оса хвастал, мол, его клиенты женщины.

Кирилл стрельнул глазами в Кристину.

– Ну вот, мадемуазелька, за троих сгодится.

Антон сдержал смешок и обратился к новым знакомым.

– Вы давно занимаетесь?

– Второй раз пришел, – мужчина даже не повернулся.

– А я третий, – обернулась Кристина.

– Нравится?

– Да, очень, – девушка присвоила диалог себе. – Леонид мощный мужик. Очень помогает.

– И в чем именно помогает-то? – грубовато включился Кирилл.

Кристина перевела на него взгляд и смутилась невидимой улыбкой. Кирилл, конечно, ее заметил.

– Вообще-то у меня много проблем, – теперь она улыбнулась всем, – главное, я неэффективно трачу время. Столько всего хочется сделать. Но времени совсем не хватает. Хочется быть продуктивной. А посмотришь, время уходит на всякую ерунду. Вот поэтому я здесь.

– Ну а вы? – вопрос к Кириллу. Тот нарочно дал слово другу.

– Лично у меня-то проблем нет. Я инвестор. Хочу посмотреть, как все это работает. Понять, действительно ли можно накачать волю. Если да, мы выделим инвестиции для развития.

Кристина ждала ответ Кирилла. Он молчал. Антон спас беседу, обратившись к Георгию.

– А что привело сюда вас?

Кристина кольнула Кирилла взглядом «ладно, вызов принят, посмотрим, кто кого, не на ту напал». Кирилл подмигнул ей. Брюнетка не сдержала улыбку, искреннюю, довольную, с ямочкой на щеке. «На ту, на ту, все вы одинаковые», – Кирилл знал, что победил. Пара фраз, один взгляд, несколько ударов сердца. Легкая победа, что тут скажешь.

– Если честно, я не хотел сюда приходить. Я всегда считал, что такие занятия для... как бы это сказать.

– Чудиков, – помог Антон

– В общем, да. Просто взял себе за правило, делать то, что

никогда не делал. Вот и пришел.

Все примолкли. Не каждый день находишь себя в песочнице миллиардера.

Наконец в аудиторию вошел Леонид.

– Сегодня отличная погода, жара, наконец, спала, – начал он, – предлагаю позаниматься в парке. Тут есть отличный сквер с прудом, можно прямо там.

Через пятнадцать минут все сидели на лужайке.

Кристина сняла туфли и по-кошачьи устроилась на пледе справа от Кирилла. Узкие джинсы рекламировали бедра.

Георгий сглотнул.

– Итак, друзья, мы с вами проведем восемь месяцев, встречаясь дважды в неделю. За это время вы окрепнете и решите все свои проблемы, кто-то отпустит прошлое, кто-то избавится от сомнений, кто-то направит энергию на эффективность, ну, а кто-то узнает о себе что-то новое.

Учитель перечислял, остальные по очереди ерзали.

– Итак, приступим.

– Да, давайте уже, – Антону не терпелось.

– Начнем с самого главного. С привычки. С автоматизмов. Это действия, на которые вы не тратите внимания. То бишь они происходят сами по себе. Если привычка хорошая, высвобождается огромное количество энергии, если плохая, наоборот, пожирается. Обычно встречается второе. На автоматизмы уходит от двух до десяти часов в сутки, и это без сна. Они невидимы, поэтому мы и не можем понять, куда

утекает время.

Кристина слушала и даже кивала в такт. Остальные ждали продолжения.

– По мне, привычки – это сила, не уступающая судьбе. Поэтому перво-наперво надо научиться создавать полезные привычки и избавиться от вредных. Чтобы понять, насколько много у нас автоматизмов, попробуйте три дня подряд записывать свои поступки каждые пять минут. Да-да, каждые пять минут, пишите, что вы делали. Используйте диктофон, доведите до абсурда. Проснулись, пролежали в кровати пять минут – запишите, пошли в туалет – напишите, почистили зубы – запишите, и так далее. Затем посмотрите, сколько времени занимает у вас автоматизмы. Нарисуйте таблицу из двух столбцов – осознанная работа и автоматизм.

Кристина начала записывать, другие поглядывали на нее, но примеру не последовали. Наверное, смотрели на пуговицы. Как они еще держатся?

Георгию повезло больше всех, он подглядел кружавчики алых трусиков, засветившиеся из заниженных джинсов.

тр – Сохраните таблицу для следующего замера. В течение этих двух недель играйте в игру «Маленькое нет», суть ее в том, чтобы говорить своим автоматизмам «нет». Всем! Абсолютно всем. Если чистите зубы перед едой, начните чистить после. Встаете в девять, начните вставать в восемь. Едете в машине на работу, начните ездить в метро, и так далее. Наша задача – разрушить сложившиеся устои, поскольку

ку сформированы они хаотично. Неосознанно. Вам нужно разрушить день, чтобы собрать его по минутам. Все ли понятно в этом упражнении?

Кристина кивнула. Трое подтвердили молчанием.

– Хорошо, тогда прошу вас начать с сегодняшнего дня.

Занятие продлилось еще около трех часов. Леонид все больше общался с Кристиной.

Антон тем временем совсем заскучал. Он и так прекрасно знал, на что тратит драгоценное время. Здесь маленькими «нет» ситуацию не исправишь. Нужна тяжелая артиллерия. Мыслями он был далеко отсюда, в наполненной цветами квартире, держа за руку Анюту и прощаясь навсегда, ну, или, возможно, на год. Он пока не решил.

– А для чего вся эта эффективность, зачем оно вообще надо? – Кирилл решил оживить занятие, превратившееся в не пойми что: Леонид общался с Кристиной, Антон ушел в себя, Георгий – в кружево Кристиных трусиков. – Почему бы не жить, как живется, в свое удовольствие. Зачем что-то считать, замерять, следить, насиловать себя?

Георгий с Антоном подняли головы.

– Вы не понимаете? – искренне удивилась Кристина.

– Не понимаю. Бог подарил нам жизнь в ее совершенстве и многообразии. Вместо того, чтобы принять этот дар во всей глубине и бесконечности, вы втискиваете его в тоннель собственной эффективности.

Георгий заулыбался. Оценил. Кристина нахмурилась, она

еще не поняла, провоцирует Кирилл или действительно не понимает великой пользы эффективности? Только она набрала в легкие воздух, как вступил Антон.

Да как вступил! Все онемели.

– А Кирилл прав! Вот вы говорите, перекраивать, перекраивать. А кто сказал, что надо перекраивать? Разве не своими руками мы создали все, что теперь имеем? Разве это не результат нашего труда? Неужели нужно все рушить в один момент только потому, что теперь нам кажется это неправильным? А кто сказал, что есть правильно, неправильно? Может, столь грубое вмешательство в жизнь и есть неправильно. Ведь это крайне неестественно, так все перекраивать. А жизнь, она любит плавные движения, не примет революцию. Кто вообще гарантирует, что будет лучше, если сейчас взять и перекроить все по своему усмотрению? А если поверишь себе и ошибешься, останешься несчастным, наломаешь дров, потеряешь все, что имел, работу, окружение, близких. Останешься сам с собой и фразой «я тебе говорил, ты не слушал, видишь, что наделал. Возомнил себя тем, кем не являешься». Рыбак должен ловить рыбу, врач лечить, нельзя здесь ничего заново перекраивать. Не ты выбираешь, кем являешься, не тебе и определять. Или, наоборот, в поиске себя только дальше от себя уходишь. Вдруг то, кем ты сейчас являешься, личность, сформированная, как вы говорите, хаотически, безвольно, и есть настоящий ты. А то, что ты себе надумал, предста-

вил, решил, это от лукавого. Что, если твои резкие повороты на пути к себе, наоборот, уход от себя. Не разум и воля, а самодурство тянет, свернуть с устоявшегося пути. Блажь заставляет менять свою жизнь, уводит от себя самого в дебри, откуда уже и не выбраться. Ибо, если бы это была твоя естественная среда, почему ты в ней не находился по умолчанию, почему естественно сложенный рельеф твоего характера так далек от того, что ты себе представляешь. Почему быт, сложившийся эволюционно, так разнится с твоим представлением о нем. Не кажется ли странным, что, обладая представлением о том, какова должна быть жизнь, мы в результате построили себе совсем другую? Как можно, срисовывая с натуры корабль, нарисовать верблюда? Мне кажется, нестыковочка тут! Ведь мы сами создаем свою жизнь и не можем в один момент проснуться и сказать: «Батюшки, всю жизнь стремились к одному, а оказываться пришли совсем к другому». Нет. Мы приходим к тому, к чему движемся. Все получается так, как мы хотим. Просто в одно утро просыпаемся и начинаем хотеть другого. Вы нас учите тому, как быстро все перестроить под новую хотелку, а надо ли? Не кажется ли вам, что весь это «поиск себя», «изменения себя», «эффективность» – лишь побег, прикрытие своей слабости, неспособности справиться с реальностью. Вот и придумываем разного рода искусственные способы изменения и контроля. По мне, ничего менять не надо! Ты уже тот, кто есть. Иначе бы не стал им. Все-таки мы уже полжизни прожили.

Не хочу никого обидеть, но желание изменить жизнь не что иное, как неспособность управлять ею. Радикальные перемены никогда не приносили человеку покоя, только калечили судьбы, закрывая возможности гармоничного развития и отсекая путь назад. Вот и надо задуматься, какая среда является естественной для тебя, каков твой путь? Тот, что окружает тебя сейчас, или тот, что ты сконструировал в своей голове?

Повисла тишина.

Кристина очухалась первой и решила, было, что-то возразить, но Леонид опередил ее. Жаль. Все любопытствовали, что противопоставит такому мисс «эффективность».

– Что ж, Антон, сомнения – это нормально. Видно, вы не раз об этом думали. Полагаю, у вас уже есть решение, за красивой речью о неуверенности все же чувствуется решимость. Может быть, вы еще сами о ней не знаете, но однажды, проснувшись, поймете: «Вот оно, мое», все остальное померкнет, исчезнут сомнения, нужно или нет что-то менять. Вы просто не сможете по-другому. Если время еще не настало, просто ждите.

Антон внимательно смотрел на Леонида. Прямо в глаза. Сам немного щурился и думал, что он знает. Говорит ли он это лично мне или это просто набор клише, которым учат на психологических курсах. Чертов хитрый старик.

– Вы женаты, Антон? – неожиданно спросил тот.

Черт, какое тебе дело?!

– Да, – и это «да» прозвучало именно так «какое вам

до этого дело?».

– У нас не принято, но за границей, – продолжил Леонид, – на свадьбе отпускают двух голубей. Видели в кино? – Все кивнули. – Так вот, Антон, вы обращали внимание, как голуби взлетают?

– Нет.

– Это очень интересно. Они начинают махать крыльями не сразу. Сначала просто летят по инерции. И расправляют крылья, только когда силы броска сходят на нет. Так и человек. Сначала мы развиваемся сами собой, будто нас кто-то броском запустил в жизнь, а потом, если хотим лететь, надо махать крыльями. Иначе начнем падать. Никак по-другому.

Антон усмехнулся, но промолчал. Как все у этого старичка просто. Голуби, крылья. К черту! Чтобы он еще раз сюда пришел.

– Ну что ж, Кристина, видите, сколько людей столько же и мнений, – учитель вернулся к прежней теме.

Кристина ухватила за ниточку и продолжила:

– Да, точно, но эффективность – это способ стать лучше, узнать что-то новое. Я не хочу стоять на месте. Сейчас я директор департамента, но хочу быть вице-президентом. Сейчас езжу на BMW шестой модели, а хочу купить Maserati, переехать в новую квартиру, родителям купить новый дом. Мне надо постоянно двигаться вперед. Хочу быть на самой верхушке. Просто нужно с головой тратить время.

Георгий поперхнулся, не сдержав смешок.

– Что смешного? – Кристина кинула взгляд на Кирилла, уж не смеялся ли он. Он не смеялся, видимо, потому, что Григорий хихикнул за двоих.

– Ничего смешного, извините, вспомнилась история одна.

– Расскажите, будьте любезны, вместе посмеемся, – заговорила железная леди.

– Ладно, ладно, не хотел вас обидеть. Но впрямь, смешно же. Мы толкуем о высоких материях, духе, воле, жизни. А в итоге все сводится к машине и должности. Овчинка выделки не стоит, не чувствуете?

– Вы считаете, это не важно? А, ясно. Вы не нуждаетесь в деньгах или признании. У вас и так все уже есть. Зато обычные люди проходят длинный путь, пока их оценят по достоинству. Поэтому не стоит смеяться над тем, что я ставлю в списке моих целей то, что вам дано от рождения.

Кристина закончила и глянула на Кирилла. Наверное, искала поддержку. Тот одобрительно улыбнулся.

Георгий устало вздохнул. Нахалка права. Спорить не о чем. Она описала то, чем он часто и сам себя попрекал. Семья Бо... вича богата не в первом поколении. Он – потомственный аристократ. Если можно назвать семью советского чиновника аристократией. Богатым был он и его отец, и дед, и дед деда, и так до самой революции. Уникальный случай для России. Он не был олигархом, поднявшимся на приватизации. Конечно, неплохо заработал на ней, но и к 1988 году он, вернее, его отец, уже имел все, чтобы называться бо-

гачом. Оттого в нем не было маниакальной тяги к деньгам и роскоши. Для него все это – само собой разумеющееся.

– Да, да, вы правы, извините, – было видно, ему не важен итог спора, главное, не разочаровать Кристину. Его чары летали повсюду, но на нее, похоже, не действовали.

Неумеха, учись. Кирилл решил сыграть в игру «протяни даме руку». Чтобы не расслаблялась, знала, кто тут папочка.

– Вся эта погоня за красивой жизнью уж слишком переоценена, что и говорить. Я никогда не преклонялся перед символами роскоши и богатства. Мне плевать на дорогие машины, сладкую жизнь и все такое, уж извините, Георгий.

– Не извиняйтесь, мне тоже, – улыбнулся мужчина.

– Но я всегда ценил умение людей добиваться своей цели, скорее даже не цели, а успеха, пробиваться, лезть сквозь чащу непонимания, отстаивать свою точку зрения.

Кристина поправила волосы за ухом и заулыбалась.

– Учись, дядя, – лицо Кирилла осталось беспристрастным.

– Достижение успеха – это технология, и совсем не хитрая, – не выдержал Антон, он-то думал, что Кирилл всерьез. – Особенно в мире корпораций. Попади туда, если не дурак, рано или поздно вырастешь до желаемой должности. Не знаю, меня лично все эти селфмейды утомили. Я перестал их уважать. Ну, пробились, добились, и что? А как иначе-то? Кто хоть чуток с мозгами не станет по помойкам лазить. Пойдет в офис работать, а там только и надо держать-

ся течения. Просиди десять лет, и успех гарантирован. Там тебе и должность, и бабки, и «рендж роверы» с дачами. Скука. Я разочаровался в успехе. Может, когда-то и уважал людей за успех, но не теперь. Паршиво мерить человека его достижениями. Он может быть непризнанным, вообще без достижений, его труд может ничего не стоить, но он на две головы выше любого банкира.

Георгий улыбнулся и протянул Антону руку. Кристина, наоборот, скривила губки, как это делают девушки, услышав чушь. Причем не важно, истинно то, что они слышат или нет, чушью вещь становится сразу же после того, как не совпадает с их личным мнением.

– Отлично, мы сегодня услышали множество мнений, каждое достойное, имеет право на существование. Думаю, на сегодня хватит, – подытожил Леонид. – Встречаемся во вторник. Пожалуйста, Кристина, приходите со списком своих маленьких «нет». Остальных тоже касается.

– Ну, что скажешь, Тончик? – спросил Кирилл.

– Болтовня.

– Мне тож кажется, дедушка способен на большее. Сегодня явно халявил. Сами с собой болтали.

– Ребята, вы это всерьез? – из-за спины донесся голос Кристины.

– Что всерьез?

– Ну, реально считаете, что эффективность это фигня?

– Слушай, – Кирилл говорил с Кристиной, будто знаком

с ней с детства, – давай мы тебе все расскажем за чашкой кофе?

– Отличная идея, – отозвался Георгий. – Приглашаю к себе на катер, покатаемся, попьем шампанского.

– Чашка кофе, – съязвил под нос Антон.

– Отличная идея, всяко лучше, чем в кафе жаться, – оценил Кирилл, – едем на выходных?

– Без меня, я пас, – Антон с брелока завел машину, – хочу побыть дома с женой.

Глаза его потухли.

– Да, давайте в субботу. Значит, втроем? – переспросила Кристина, – или я могу взять сестру. Она красотка.

– Конечно, бери, – Георгий полз к цели. Сестра как перекус его вполне устраивала. Некуда торопиться.

– Шикарно, значит, по рукам, – Кирилл лыбился, хотя про себя плевался. «Какие же вы все-таки все одинаковые, тошно».

В машине он проверил телефон, пусто.

– Хм, молодец.

Набрал сообщение: «Можешь развязать себя. Четыре часа, ты молодец. Иди поешь. Через секунду пришел ответ: «Спасибо, Хозяин, ручка сильно затекла. Я и не верила, что смогу столько просидеть. Оказывается, могу. Спасибо».

Кирилл ухмыльнулся и тронулся с места. «Все вы одинаковы. Как я мог так сильно любить. Наверняка, Вика такая же. Все вы такие. Вам лишь бы принадлежать. Бабы на-

столько порочны, что вам все равно, быть матерью или подстилкой, лишь бы быть чьей-то. Кто-то должен вами владеть, иначе теряете смысл жизни. Ха. Если бы знать раньше, разве потратил столько времени на любовь. Слово-то какое „любо-о-о-овь“, будто тошнит кого-то. Я же считал тебя, Викуся, ангелом, тьфу. Блин, любил же. По-настоящему. Думал, это сделает тебя счастливой. Ха, дебил, это же плоды разных деревьев. Любовь и счастье. Кто ищет счастья в любви, должно быть, находит сливы на яблоне. Иначе откуда такая привычка. Чтобы я еще раз в жизни так лоханулся! Впредь мне наука. Теперь я их всех вижу насквозь. Баба должна подчиняться».

Кирилл отправил следующее задание, пришел заученный ответ «спасибо».

Это его первая дрессировка. Они познакомились в сети. Ей двадцать восемь. Не молода. Живет где-то на юге, он так и не запомнил город, то ли Краснодар, то ли Пятигорск, может быть, Севастополь. Какое ему дело. Важно другое. Спустя неделю переписки она начала ему служить, исполнять все его желания на камеру.

Поначалу Кирилл думал, что наткнулся на конченную извращенку. Даже стало жалко ее. Надо бы остановиться, это вроде как издеваться над умственно отсталым.

Он считал ненормальным смиренно и даже с удовольствием подчиняться приказам. Привязывать себя на весь день к батарее, воздерживаться от туалета, показывать себя в пуб-

личных местах по прихоти незнакомца. Но вскоре Кирилл изменил свое отношение. Оказалось, все нормально. Это доказали его вторая и третья рабыни, а вместе с ними куча специальных сайтов и тысячи зарегистрированных там девушек. Он поднаторел в дрессировке, читал литературу по психологии, просиживал ночи напролет на форумах, изучал мотивацию и поведение женщин. Спустя полгода перерос вирт. Захотел новых знаний, жаждал глубже проникнуть в женскую душу. В Интернете Кирилл научился превращать в рабыню любую. Всего две-три недели переписки, и обычные девочки с милыми селфи, стройными животиками и остреньким взглядом превращались в дрессированных потаскух. Кирилл собирался издать книжку со своей методикой. Но только после того, как будет взят главный рубеж, живая рабыня, не через Интернет.

Но поддаются ли дрессировке девушки в реальности, можно ли воспитать рабыню в своей квартире? Сколько времени на это потребуется? Да и можно ли вообще взрослую девушку без патологий превратить в рабыню? Или, как в страшных фильмах, для этого нужно похитить ее еще ребенком и запереть в сарае. Что, конечно, немыслимо. «Мои рабыни должны быть добровольными». Оксюморон. Невелика заслуга, иметь раба, который не помнит свободы или не восстает из-за страха плети. Нет, гораздо сексуальнее, когда тебя с работы встречает добровольная рабыня, молча снимает туфли и носки, массирует, а потом вылизывает но-

ги. Рабыня, которая еще вчера была обычной девушкой с поклонниками, принципами и сложным нравом. Возможно ли такое в реальной жизни? В Интернете на камеру девушки делают все, что угодно, но, может быть, виртуальное рабство это одно, а в реале совсем другое. Может, все дело в Интернете, там девушки позволяют себе больше, потому что чувствуют безопасность и все им кажется игрой. Нужно проверить. Осталось найти подходящий материал.

Случай представится быстрее, чем ожидал Кирилл. На каверную прогулку Кристина взяла с собой младшую сестру.

Антон уезжал с занятия подавленный. Как же это угнетает, когда кто-то ковыряется в твоей душе. Безразмерные садовые рукавицы хватают хрустальный сервиз.

Сегодня среда, значит, меньше чем через четыре дня, в воскресенье, он скажет Аняте о своем уходе.

Квартиру себе он уже присмотрел. Не пентхаус, но тоже ничего, студия в стиле лофт. Всегда мечтал о такой. Он включил радио и забарабанил пальцами о руль.

Жена по обыкновению готовила ужин для семьи. Папа, мама и Леночка. Четырехлетний белокурый ангелочек, который частенько просил сходить в «габазин» и купить «кашаладку».

Антон поцеловал жену и улыбнулся. Настроение отличное, мир прекрасен. Антона просто не узнать.

– Какая же у меня очаровательная жена, – он сыпал комплименты, и красавица еще больше расцветала. – Как же мне повезло с тобой! Ты – ангелочек. Что у нас на ужин? О-о-оу, моя любимая рыбка. Иди сюда, расцелую.

Сели ужинать, как в старые добрые времена, вдвоем. Шутили, болтали, любовались Леночкой.

«Черт, как же я их люблю, – думал Антон. Это моя семья. Гнездышко. Столько мы пережили с Аней, переезды, нужду. Прощали ошибки, росли над собой. Было столько хорошего. Мало у кого за всю жизнь выпадает столько счастья. А как вместе путешествовали! Господи, эти пляжи, мы лепили снеговиков из песка и называли песковиками, занимались любовью в воде, когда на берегу было полно народу. Бешеная страсть! Да где только мы не занимались этим! Кино, автобус, кухня друзей, подъезды, клубы, поезда, подворотни. Черт, и ведь это не в медовый месяц это было шесть лет. Настоящих шесть лет по двенадцать месяцев. Наша страсть пылала, не уменьшаясь, но потухла в момент за какие-то полгода».

Антон вспомнил поездку в Амстердам и засмеялся в голос.

– Чего смеешься, Тошик?

– Вспомнил, как после кексов и косяка мы не могли найти отель в Амстердаме.

– А, да, – Анюта засветилась, – шесть часов кружили.

– Ага. Помнишь, оглядывались и сразу же забывали, в ка-

кую сторону шли. Разворачивались и возвращались, откуда пришли. Потом я повторял постоянно, что главное не обворачиваться.

– Те еще наркоманы, из вестибюля отеля вышли, дума-ли, это не наш. Чудом вовремя сообразили, что сюда-то мы и шли.

– Да, Анют, спасибо тебе. Столько хорошего было. У меня прямо сердце наполняется медом.

Антон замолчал. Может, зря это все затеял? Что я жиру бешусь? Хорошо ведь живем. Дом, семья есть, куда черт тянет? Какой еще на фиг лофт? Как я один буду жить? Не хочу я. Нет. Не хочу уходить. Мне и здесь хорошо. Ну, хорошо же.

Анюта взяла мужа за руку, обеими руками обняв его ладонь. Забытое чувство. Это означало «я тебе верю, и я с тобой». Когда-то обозначало. Аня хотела вернуть смысл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.